

**РОДЖЕР
ЖЕЛЯЗНЫ**

ROGER ZELAZNY

**THE DOORS
OF HIS FACE,
THE LAMPS
OF HIS MOUTH,
AND OTHER STORIES**

РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ

**ДВЕРИ ЛИЦА ЕГО,
ПЛАМЕННИКИ
ПАСТИ ЕГО**

**МОСКВА
2019**

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ж52

Roger Zelazny
The Doors of His Face, the Lamps of His Mouth,
and other stories
Copyright © 1971 by Roger Zelazny
The Doors of His Face, the Lamps of His Mouth
Copyright © 1965 by The Mercury Press, Inc.
The Keys to December
Copyright © 1966 by New Worlds
Devil Car
Copyright © 1965 by Galaxy Publishing Corporation
A Rose for Ecclesiastes
Copyright © 1963 by The Mercury Press, Inc.
The Monster and the Maiden
Copyright © 1964 by Galaxy Publishing Corporation
Collector's Fever
Copyright © 1964 by Galaxy Publishing Corporation
This Mortal Mountain
Copyright © 1967 by Galaxy Publishing Corporation
This Moment of the Storm
Copyright © 1966 by The Mercury Press, Inc.
The Great Slow Kings
Copyright © 1963 by Galaxy Publishing Corporation
A Museum Piece
Copyright © 1963 by Ziff-Davis Publishing Company
Divine Madness
Copyright © 1966 by Health Knowledge, Inc.
Corrida
Copyright © 1968 by the Golden Goblin Press
Love is an Imaginary Number
Copyright © 1966 by the New Worlds
The Man Who Loved the Faioli
Copyright © 1967 by Galaxy Publishing Corporation
Lucifer
Copyright © 1964 by Galaxy Publishing Corporation

Публикуется с разрешения наследников автора и их литературных агентов, Zeno
Agency Limited (Великобритания)
при участии Агентства Александра Корженевского (Россия)

Желязны, Роджер.

Ж52 Двери лица его, пламенники пасти его / Роджер Желязны;
[пер. с англ.]. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с.

Странные и прекрасные рассказы охватывают весь спектр таланта Роджера Желязны. Он смешивает сновидческие образы фэнтези с реализмом и научной фантастики. Яркое воображение и идеальная проза превращают Желязны в одного из самых заметных писателей-фантастов.

Охота на венерианского Левиафана. Футуристическая коррида с людьми и машинами. Поэзия вымирающей цивилизации Марса. Альпинисты, покоряющие вершину иной планеты. Преследование разумного автомобиля-убийцы...

Трижды он выигрывал премию «Небьюла» и шесть — премию «Хьюго» за великолепные романы и рассказы. Желязны обладал уникальным талантом, его видения будущего, иных миров и иных реальностей были полны магии и всегда запоминались.

**УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44**

© И. Гурова, наследники, перевод на русский язык, 2019
© М. Пчелинцев, перевод на русский язык, 2019
© В. Баканов, перевод на русский язык, 2019
© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод на русский язык, 2019
© И. Нечаева, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-098278-3

ДВЕРИ ЛИЦА ЕГО, ПЛАМЕННИКИ ПАСТИ ЕГО¹

---

¹ Книга Иова, гл. 41, ст. 6, 11 (*...Кто может отворить двери лица его? Круг зубов его — ужас; <...> из пасти его выходят пламенники, выскакивают огненные искры...*).

The Doors of His Face, the Lamps of His Mouth
1965
Лауреат «Небьюла», финалист «Хьюго»

Я — наживляльщик, а если разобраться, так и попросту — наживка. Прирожденных наживляльщиков не бывает — кроме как в одном французском романе, где все герои такие. (Если память мне не изменяет, этот роман называется «Все мы — наживка». Тьфу.) Как дошел я до жизни такой — история малоинтересная, но Дни Зверя вполне заслуживают нескольких слов; почитайте, если не лень.

Венерианская Низменность расположена между большим и указательным пальцами континента, именуемого Ладонь. Когда эта рука швыряет на встречу снижающемуся кораблю черно-серебристый кегельный шар Облачной котловины, любой пассажир огнехвостой кегли невольно дергается и зажмуривается. Слава еще богу, что привязные ремни не позволяют этому пассажиру — мне, тебе, ему — выставить себя совсем уж полным идиотом. Усмехайся потом сколько угодно, но сперва ты дернешься. Всенепременно.

И тут же перед тобой раскрывается Ладонь — нормальная человеческая ладонь, пять пальцев,

всё как полагается. Потом, по мере приближения, иллюзия слабеет, унизанные кольцами средний и безымянный превращаются в удлиненные архипелаги, а остальные — в три зеленовато-серых полуострова, причем ты видишь, что большой палец слишком уж короток и загибается на манер то ли человеческого зародыша, то ли Огненной Земли.

Ты набираешь полную грудь чистого кислорода, может быть, вздыхаешь — спуск обещает быть долгим.

Ладонь ловит корабль, как высоко поданный мяч, и ты оказываешься на посадочной площадке Линии Жизни — городок назван таким необычным образом из-за своей близости к стекающей по Низменности реке, которая здесь, перед впадением в Восточный залив, разливается широкой дельтой.

С минуту кажется, что мячик проскользнет между пальцев и тебе предстоит незавидная роль куска мяса в утонувшей консервной банке, но потом — оставив надоевшую метафору — корабль садится на опаленный бетон, ты вытаскиваешь свои документы и предъявляешь этот средних размеров телефонный справочник коротенькому толстому человеку в серой фуражке. Бумаги показывают, что ты не подвержен никакой таинственной нутряной гнили и т.п. Тогда человек одаривает тебя коротенькой толстой серой улыбкой и направляет к автобусу, идущему в Карантин, где ты и проводишь три дня, доказывая, что и впрямь не подвержен никакой таинственной нутряной гнили и т.п.

Однако скука — она ведь тоже гниль, да еще почище любой другой. По истечении трех дней ты неизбежно бросаешься на штурм злачных заведений Линии Жизни — поступок несколько опрометчивый ввиду подавляющего превосходства противника. Действие алкоголя в нестандартных атмосферных условиях досконально описано в трудах многочисленных знатоков, а посему я ограничусь замечанием, что запой — предмет весьма серьезный, даже самое предварительное с ним знакомство требует не меньше недели, а на глубокое проникновение может уйти вся жизнь.

Я был весьма многообещающим исследователем (но никак не законченным специалистом), занимался этим благородным делом уже два года подряд, а тут откуда ни возмись — «Безграничный простор», он пробил мраморный потолок венерианских облаков и вывалил в наш городишко целую орду пассажиров.

Пауза. Альманах Миров о Линии Жизни: «Портовый город на восточном берегу Ладони. Примерно 85% из 100 000 населения (перепись 2010 года) составляют служащие Агентства внеземных исследований. Вторая по численности группа жителей — персонал нескольких промышленных корпораций, занятых фундаментальными исследованиями. Небольшое количество независимых морских биологов, богатых любителей рыбалки и припортовых предпринимателей».

Я повернулся к Майку Дабису, коллеге по портовому предпринимательству, и прокомментировал

вал хреновое состояние фундаментальных исследований.

— Но если знать известное немногим...

Тут Майк смолк и продолжил медленный глотательный процесс, рассчитанный на привлечение моего интереса — и нескольких ругательств с моей стороны.

— Карл, — разродился он наконец с совершенно бесстрастной физиономией, — а ведь Стадион готовят на выход.

Я мог бы врезать по этой самой физиономии. Я мог бы налить ему в стакан серной кислоты и с наслаждением смотреть, как чернеют и трескаются его губы. Но я только неопределенно хмыкнул.

— И кто же это сдурел настолько, чтобы выкладывать пятьдесят кусков в день? АВИ?

— Джин Лухарич, девушка с фиолетовыми контактными линзами и пятью, а то и шестью десятками великолепных зубов. Вообще-то глаза у нее карие.

— Ей что, приелась торговля косметикой?

— Без паблисита дело глохнет, — пожал плечами Майк. — Когда она завоевала Кубок Солнца, акции «Лухарич энтерпрайзис» подскочили на шестнадцать пунктов. Ты когда-нибудь играл в гольф на Меркурии?

Играл я, играл, но сейчас это к делу не относилось.

— Так, значит, она едет сюда с чековой книжкой и рыболовным крючком?

— На «Безграничном просторе», сегодня, — кивнул он. — Уже, наверное, приземлились. Туча репортеров. Ей, видите ли, нужен Ихти. Позарез.

— Хм, — хмыкнул я. — И насколько позарез?

— Контракт на шестьдесят дней, Стадион. Пункт о возможном продлении срока. Депозит в полтора миллиона, — четко отрапортовал Майк.

— Больно уж много ты знаешь.

— Я — отдел кадров. Ребята из «Лухарич энтерпрайзис» вышли на меня в прошлом месяце. Очень полезно пить в нужных местах.

— Или содержать их, — ухмыльнулся он по размышлению.

Самое время вспомнить о пиве. Я переварил новости и задал Майку давно ожидаемый им вопрос — за что и был вознагражден очередной лекцией о вреде коньяка и пользе молока.

— Мне поручено завербовать и тебя, — добавил он. — Когда ты в последний раз выходил в море?

— Полтора месяца назад, на «Корнинге».

— Тоже мне экспедиция, — фыркнул этот тип. — А когда ты в последний раз был под водой?

— Довольно давно.

— Больше года назад, да? Это когда тебя порезало винтом, под «Дельфином»?

— На прошлой неделе, — оскорбленно вскинулся я, — я плавал в реке, у Энглфорда, где сильное течение. Кое на что я еще способен.

— Пока трезвый, — заметил он.

— А мне и придется быть трезвым, — рассудительно объяснил я, — если возьмусь за такую работу.

Майк с сомнением кивнул.

— Стандартная профсоюзная ставка. Коэффициент три за особо трудные условия, — сообщил он (поборов, по видимости, свои сомнения). — Явка в шестнадцатый ангар в пятницу, в пять утра. И со своим оборудованием. Выходим в субботу, на рассвете.

— Ты что, тоже пойдешь?

— Пойду.

— Как это тебя?

— Деньги.

— Не вешай мне лапшу.

— Бар не шибко процветает, а моей девице нужна новая шуба.

— Повторяю...

— ...А я хочу убраться от крошки, возобновить контакт с первоосновами — подышать свежим воздухом, размять мышцы, подзаработать...

— Ладно, ладно, извини, что приставал.

Я налил ему стакан, концентрируясь на серной кислоте, но трансмутации не произошло. Наконец я упоил его в сосиску и вышел на улицу, в ночь, погулять и всё обдумать.

За последние пять лет было сделано около дюжины покушений на жизнь Ихти, в научных кругах известного как *Ichtyform Leviosaurus Levianthus*. Сперва к нему применяли обычную китобойную технику, с результатами хорошо еще если нулевыми, а зачастую и катастрофическими; нужно было придумывать что-то другое. Богатый спортсмен Майкл Джент построил Стадион, на что ушло всё его состояние.

После года, проведенного в Восточном океане, он вернулся и заявил о банкротстве. Затем на горизонте появляется некий Карлтон Дэйвитс, плейбой, а по совместительству — рыболов-любитель. Он перекупил эту махину и смело пустился в путь, к тем местам, где, по слухам, хорошо ловится Ихти. На девятнадцатый день рыбка клюнула, но затем сорвалась, унося с собой на полтора-два тысяч новехонького, толком еще не опробованного оборудования. Еще через двенадцать дней с помощью тройных лесок Дэйвитс подсек-таки своего зверя, накачал его наркотиками и начал вытаскивать на палубу. Но тут он проснулся, разломал башню управления, убил шесть человек и изуродовал пять квадратных секций Стадиона. Все достижения Карлтона свелись к частичному одностороннему параличу и банкротству. Несостоявшийся герой растворился в припортовой атмосфере, а Стадион еще четырежды менял хозяев, с результатами, может быть, и не столь драматичными, но неизменно разорительными.

Наконец этот огромный плот, построенный с одной-единственной целью, был выставлен на аукцион, где его и купило АВИ, для «морских исследований». Изредка находились богатенькие люди, готовые выложить пятьдесят тысяч в день за право рассказывать сказки о Ловле Левиафана. Вот, пожалуй, и все морские исследования, для которых использовался Стадион. Да, забыл сказать. Ллойд его не страшит.

В трех таких путешествиях наживляльщиком был я — и дважды оказывался в достаточной бли-

зости от Ихти, чтобы сосчитать клыки этой твари. Мне хотелось бы иметь один такой клык — буду показывать внукам в целях воспитательных и назидательных.

Я встал лицом к посадочной площадке и твердо принял решение.

— Тебе, подруга, я нужен для местного колорита. Это будет замечательно смотреться в разделе светских новостей, и всё такое прочее. Но заруби себе на носу — если кто и добудет тебе Ихти, так только я. Как Бог свят.

Я стоял на пустынной площади. Верхушки зданий Линии Жизни кутались в облака.

За два-три последних геологических периода океан заметно обмелел. Прежняя береговая линия, проходившая у подножия невысокого хребта, отделяющего нас от Высокогорья, расположена теперь на высоте нескольких тысяч футов и милья в сорока от залива, а то, что было морским дном, превратилось в ровный, покатый склон. В четырех милья в глубь материка и в пятистах футах над Линией Жизни находятся почти все взлетно-посадочные полосы и личные ангары. В шестнадцатом ангаре обосновались «Вертолеты Вэла по Вызову», занимающиеся доставкой с берега на корабль и наоборот. Мне не нравится Вэл, но, когда я выбрался из автобуса и помахал механику, этого типа поблизости не было.

На бетоне нетерпеливо подпрыгивали две вертушки, осененные гудящими нимбами. Машина,

с которой работал Стив, рыгнула и страдальчески содрогнулась.

— Живот болит? — поинтересовался я.

— Да, газы и изжога.

После небольшой регулировки утробные звуки сменились ровным подвыванием, и Стив повернулся ко мне:

— На прогулку собрался?

— Да, — кивнул я. — Стадион. Косметика. Чудовища. И прочие такие забавы.

— Лухарич, — пробормотал он. — Так, значит, это ты. Там тебя желают видеть.

— И по какому же это случаю?

— Камеры. Микрофоны. И прочие такие забавы.

— Я лучше закину свое хозяйство. Который тут будет мой?

Он указал отверткой на второй вертолет.

— Вон тот. Кстати сказать, тебя уже снимают. Появление на сцене.

Он повернулся к ангару, затем снова ко мне:

— Скажи «и-и-и...». Крупный план они снимут потом.

Я сказал, но совсем не «и-и-и». Должно быть, они использовали телеобъектив и умели читать по губам, так как эту часть пленки никогда и нигде не показывали.

Я закинул свое барахло в багажник, забрался на сиденье для пассажира и закурил. Через пять минут из конторы появился Вэл, собственной своей наглой персоной. Он подошел и стукнул по обшивке вертолета, а затем указал на ангар.